

УДК 94(477.75):351.746.1

ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 50-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность органов политической полиции Таврической губернии в период с 1856 по 1865 гг. Показаны причины изменений, произошедших в её структуре после Крымской войны. Анализируется работа жандармерии, направленная на борьбу с распространением сектантских идей, преследование фальшивомонетчиков и обеспечение безопасности членов императорской семьи. Особое внимание уделено противодействию чинов Корпуса жандармов крестьянским волнениям на территории Крыма и Северной Таврии. Выделены наиболее яркие эпизоды участия органов политической полиции в поддержании государственных устоев и порядка на вверенной им местности. Освещается положение чинов жандармерии накануне реформы политической полиции Российской империи в 1867 году. Предпринята попытка определения роли органов государственной безопасности царской России в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, политическая полиция, Корпус жандармов, жандармские команды, крестьянская реформа.

ВВЕДЕНИЕ

XIX век в истории Крыма и Северной Таврии богат событиями не только регионального и общегосударственного, но и мирового масштабов. Во многих исследованиях их рассматривали с позиций разных сторон, через призмы различных организаций и учреждений. В то же время, одним из наименее изученных вопросов является деятельность органов политической полиции Таврической губернии, занимавших особое место в структуре государственных служб региона. Среди исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования Корпуса жандармов непосредственно на территории Таврической губернии, стоит выделить С. В. Бородин, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко. Однако тема деятельности органов политической полиции в XIX веке в их работах не освещена, либо затрагивается лишь фрагментарно [1]. Одним из пиков активности жандармерии на территории Крымского полуострова стала послевоенная эпоха реформ императора Александра II, когда её чинам пришлось противостоять множеству новых вызовов и решать серьезные проблемы, угрожавшие политическому порядку в регионе. Данные факты обуславливают научный интерес и актуальную необходимость в исследовании данного вопроса, который дополнит картину общественно-политической истории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖАНДАРМЕРИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов стала своеобразным рубежом в истории органов политической полиции Таврической губернии, разделившим пери-

од её становления со временем дальнейшего развития. Так, накануне конфликта на территории Крыма и Северной Таврии жандармерия была представлена следующим образом: в губернском городе находилась канцелярия штаб-офицера, которой были подчинены Симферопольская, Севастопольская и Керченская жандармские команды. Общая численность, сотрудников политической полиции (включая нестроевых чинов: писарей, кузнецов, коновалов, денщиков) к 1853 году составляла 91 человек [2, с. 112]. Однако разрушение Севастополя и временная потеря им стратегического значения, привела к тому, что по окончании боевых действий надобность в существовании отдельной жандармской команды в этом городе фактически отпала. В то же время, упразднить её явно не спешили. Так, в 1857 году из Евпатории Севастопольская жандармская команда была переведена в Симферополь, где размещалась в местных казармах [3, л. 1]. Затем, в 1858 году её перевели в Феодосию для наблюдения за возведением Московско-Феодосийской железной дороги [4, л. 1]. Здесь она находилась под руководством начальника железнодорожного полицейского управления полковника Корпуса жандармов П. П. Рындина вплоть до апреля 1861 года, после чего была расформирована за ненадобностью [5, л. 1]. Впоследствии её чины и имущество были распределены по вакансиям в другие жандармские команды [6, л. 1, 2]. Таким образом, в начале 60-х гг. XIX века численность сотрудников Корпуса жандармов в Таврической губернии сократилась с 91 до 58 человек. Это, в свою очередь, усложнило исполнение ими своих обязанностей.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II

С окончанием Крымской войны изменились некоторые направления жандармской деятельности. Так, чины политической полиции губернии включились в активную борьбу с распространением сектантских идей в Крыму и Северной Таврии. В период с 1857 по 1865 год ими было раскрыто более десяти сект прыгунов, скопцов и шалопутов в различных селениях Бердянского и Мелитопольского уездов. Как отмечалось в донесениях, благодаря тщательному расследованию этих дел, жандармам удалось с большой достоверностью определить учение и обряды сект, а также выявить их распространителей [7, л. 8].

Новым направлением в работе «голубых мундиров» стало также преследование фальшивомонетчиков, которые к этому времени активизировали свою деятельность по всему югу Российской империи. Наиболее крупным успехом жандармов стало раскрытие в октябре 1865 года в Бердянске целой организации фальшивомонетчиков, действовавшей, начиная с 1861 года, в Керчи, Таганроге, Херсоне, Мелитополе, Ростове-на-Дону [8, с. 110]. Благодаря операции, проведенной начальником Керченской жандармской команды капитаном Жезловым, были арестованы 5 лидеров фальшивомонетчиков, изъяты литографный станок, краски и другие инструменты [9, л. 415]. Также был перекрыт канал, по которому из-за границы преступники получали всё необходимое [9, л. 485]. Следует отметить, что данное дело стало одним из первых в истории политической полиции Таврической губернии, когда на след преступников удалось выйти исключительно при помощи секретного сотрудника [9, л. 9]. В дальнейшем чины жандармерии стали постепенно создавать целую сеть ин-

форматоров и агентов, сообщавших о различных происшествиях и выполнявших тайные поручения.

Примечателен тот факт, что на жандармских чинов политической полиции Таврической губернии была возложена ответственность и за безопасность членов царской семьи, которые с начала 1860-х годов избрали Южный берег Крыма местом своего отдыха, а Ливадию – одной из резиденций. Так, 12 августа 1861 года было принято решение о командировании 5 конных рядовых жандармов и одного унтер-офицера Симферопольской команды в Ливадию ко времени прибытия туда представителей императорской фамилии [10, л. 413]. Планировалось, что чинам политической полиции будут отведены помещения в одной из окрестных деревень, однако за отсутствием такой возможности, их пришлось разместить в лагере Новороссийского казачьего полка, откуда они совершали регулярные объезды охраняемой территории [10, л. 482]. Другая группа, из двух конных жандармов, сопровождала царскую семью во время всего её пребывания на территории Таврической губернии [10, л. 434]. В последующие периоды обеспечение безопасности императора и его близких продолжала оставаться одной из важнейших задач крымских жандармов, что вносило существенные коррективы в их деятельность.

Одним из главных направлений деятельности политической полиции Таврической губернии в начале 60-х годов XIX века была борьба с крестьянским движением. Начиная с 1856 года, в южных губерниях Российской империи получали распространение массовые побег помещичьих крестьян в Крым и Северную Таврию. В большинстве случаев беглецы были движимы слухами о дарованной царем на этих землях воле, а также возможности поселиться в опустошенных войсками неприятеля городах. На местах для розыска зачинщиков побегов срочно были созданы следственные комиссии во главе с жандармскими офицерами [11, с. 72–74]. В то же время, руководителей политической полиции империи в большей степени беспокоили не столько сами побег, сколько угроза распространения среди крестьян антиправительственных идей. Представители Корпуса жандармов в Таврической губернии особыми циркулярами и указами были ориентированы не только на расследование всех дел, связанных с неповиновениями крестьян, но и на тщательный надзор за настроениями среди сельского населения, о чем были обязаны регулярно сообщать начальству в специальных донесениях [12, л. 33].

В годы, предшествовавшие крестьянской реформе, руководство Таврической жандармерии особое внимание уделяло густонаселенным северным уездам губернии [13, л. 1, 2]. Такие меры были вызваны сведениями о возможном появлении в Новороссийском крае лиц, призывающих к восстанию против помещиков, напечатанных за границей революционных воззваниях, и слухах о ложных царских манифестах. [14, л. 1; 15, л. 1; 16, л. 1]. В связи с этим жандармские штаб-офицеры предупреждали местных гражданских руководителей о необходимости усиления бдительности, в то же время сетуя на недостаточное количество их собственных подчиненных, которое не давало возможности осуществлять постоянное наблюдение за материковой частью губернии [14, л. 2].

О первых беспокойствах среди крестьян Таврической губернии еще в феврале 1858 года Шефу жандармов сообщал исполняющий должность штаб-офицера

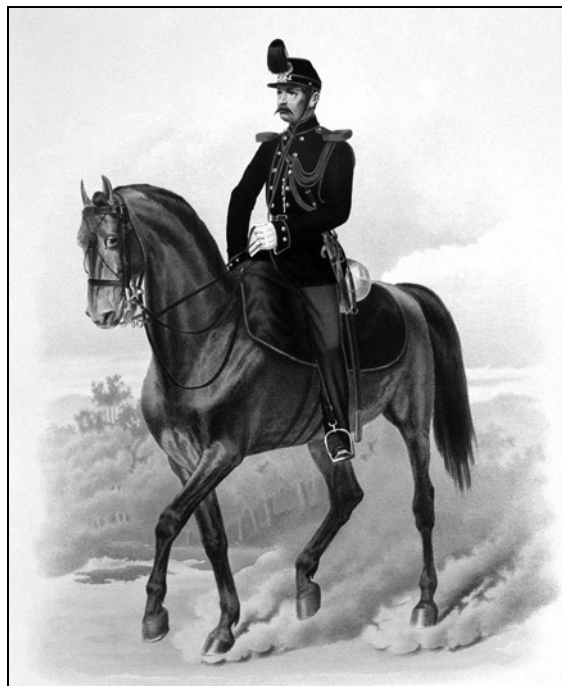

Рис. 1. Рядовой жандармских команд в парадной форме (1862 г.)

Рис. 2. Унтер-офицер и обер-офицер Корпуса жандармов в парадной форме (1862 г.)

Рис. 3. Чтение в церкви Манифеста об отмене крепостного права (1861 г.)

Рис. 4. Картина В. Д. Вернадского
«Волнение крестьян села Обиточного после реформы 1861 г.»

капитан Н. Е. Беловодский. Согласно его рапорту, сельские жители узнавали об устройстве переходного состояния, введенного ранее в 4 губерниях, но считали, что помещики скрывают от них эту информацию и бумаги [13, л. 3]. В то же время, никаких проявлений открытого народного недовольства в 1859–1860 годах новым жандармским штаб-офицером, подполковником А. Л. Вахом замечено не было [13, л. 10]. Однако он отмечал, что «среди крестьян замечается повсеместное нетерпеливое ожидание разрешения вопроса об изменении их быта, выражающееся в ленивой и вялой работе, слушании и намеках на скорую свободу». В связи с этим, по предложению Ваха и распоряжению губернатора, земскую полицию обязали объявить крестьянам условия Высочайшей воли о том, что они должны оставаться в повиновении помещиков [13, л. 17].

16 марта 1861 года в Симферополе в соборе и на площадях был зачитан привезенный флигель-адъютантом графом А. П. Бобринским Манифест об отмене крепостного права, который затем был разослан по уездам. Как отмечал в своем рапорте А. Л. Вах, никаких волнений, равно как и особых проявлений радости, это событие не вызвало, что он объяснял продолжительным переходным состоянием крестьян [17, л. 1]. Однако взрыв народного возмущения не заставил себя долго ждать. Первым случаем такого рода стало неповиновение в апреле жителей Мелитопольского уезда в селах Анновка и Екатериновка (ныне Куйбышево, Запорожская область, Украина), недовольных урочными работами и считавших манифест ненастоящим. На их расследование, вместе с губернатором и графом Бобринским, в сопровождении двух рядовых жандармов, Вах выезжал лично [18, л. 21]. Вместе с ними в Екатериновку также вошли войска, после чего четверо зачинщиков беспорядков были выпороты розгами, а семеро остальных закованы в кандалы и отправлены в острог. В донесении в Петербург штаб-офицер указывал, что причиной происшествия стало непонимание крестьянами императорского манифеста, так как они рассчитывали получить полную свободу, но оказались вынуждены отбывать барщину как прежде [19, л. 3, 5].

Более масштабное неповиновение имело место в мае–июле того же года в селе Обиточном, Бердянского уезда (ныне Запорожская область, Украина) [20, с. 77]. Местные крестьяне, также не веря в подлинность манифеста, не только отказались отрабатывать барщину, но противились распоряжениям губернатора и угрожали своей помещице расправой. 19 июля 1861 года, по предложению губернатора Г. В. Жуковского, в Обиточное для прекращения беспорядков отправился штаб-офицер Вах, в полное распоряжение которого была передана рота Литовского пехотного полка [18, л. 76]. Прибыв 20 июля в Ногайск (ныне г. Приморск, Запорожская область, Украина), жандармский подполковник узнал, что войск в Обиточном еще нет. С разрешения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и наказного атамана Азовского казачьего войска, ему удалось к 24 июля вызвать в село отряд из 100 казаков, а также инвалидные команды из Бердянска и Мелитополя – всего 155 человек [18, л. 92]. По прибытии войск, А. Л. Вах велел всем жителям собраться на площади 27 июля к 7 часам утра, однако добровольно их явилось не более тридцати. Тогда штаб-офицер разослал казаков, которыми к 5 часам вечера было собрано около 130 человек. Подполковник объявил причину ввода войск и

потребовал полного повиновения и выполнения барщинных работ. Когда крестьяне молча начали расходиться, жандарм приказал никого не выпускать. Далее, по заранее подготовленному списку, Вах вызвал 16 протестующих, после чего подверг их телесному наказанию [21, с. 53]. Подобные действия заставили остальных жителей села на колени просить прощения, обещая свое повиновение. Вах, по его словам, «старался вразумить крестьян, объясняя им их обязанности взамен пользования землей, повторил слова манифеста и объявил, чтобы они со следующего дня выходили на барщину». На следующий день местные крестьяне поголовно, многие даже с женами и детьми, вышли на работы, отработав разом за 2, 3 и 4 дня [18, л. 93]. 29 июля в село наконец-то прибыли обещанные штаб-офицеру 150 человек Литовского полка, что позволило подполковнику Ваху распустить инвалидную команду и казаков. Новоприбывших солдат жандармский штаб-офицер разместил на постой в домах зачинщиков волнения на срок до 18 августа. В своем донесении к руководству, среди главных причин инцидента, начальник Таврических жандармов отметил бездействие местных чиновников [18, л. 94]. Так, Мелитопольский предводитель дворянства Иваненко побывал в селе 18 мая и, найдя положение крестьян действительно тяжелыми, говорил, что их жалобы будут удовлетворены [21, с. 94]. По словам А. Л. Ваха, подобная практика привела к тому, что после приезда всякого начальствующего лица крестьяне «становились все более дерзкими, так как им говорили о новых правах, но мало об обязанностях» [19, л. 14].

В связи с достаточно жестким подавлением выступления в Обиточном, крестьянские волнения в конце 1861–1862 году временно ослабли, но получили распространение и другие формы борьбы [20, с. 85]. Жандармские рапорты этого периода описывают такие преступления, как поджоги имений, убийства помещиков и государственных чиновников, порчу помещичьего имущества, которые осуществлялись отдельными лицами или небольшими группами. Впрочем, как отмечалось, они носили единичный и несистематический характер [22, л. 5].

Новая волна протестов захлестнула северные уезды губернии в начале 1863 года. В это время в селах Князе-Григорьевка и Завадовка, Днепровского уезда (ныне Херсонская область, Украина), крестьяне, возглавляемые местным жителем Григорием Чабаном, открыто выступили против введения уставных грамот. Попытки чиновников и даже Таврического губернатора, возглавлявшего 5 рот Белостокского полка, успокоить людей успеха не имели [20, с. 91]. 20 марта губернатор предписал сменившему А. Л. Ваху на посту губернского жандармского штаб-офицера подполковнику Г. И. Калимахи, немедленно выехать в Князе-Григорьевку для принятия решительных мер к восстановлению нарушенного порядка [23, л. 24]. Прибыв в село 22 марта, Калимахи на следующий день распорядился собрать местных жителей к волостному правлению. На увещевания и требования жандарма принять уставную грамоту и выдать зачинщиков крестьяне заявили, что отказываются от помещичьей земли и от необходимости выполнения обязанностей на ней [24, л. 36]. В ответ на это Г. И. Калимахи приказал вывести из толпы двадцать «наиболее упорных», после чего восьмерых из них подверг легкому телесному наказанию, а двенадцать арестовал и направил в острог [23, л. 13]. После этого сразу определились 35 человек, готовых к безусловному повиновению и платежу оброка. 24 марта жи-

тели села явились с повинной, прося освободить арестованных и указывая, что их подстрекателями были 30 человек из соседнего селения Завадовки. Подполковник Калимахи дал согласие на просьбу крестьян, а сам, вместе с двумя ротами солдат, отправился в Завадовку. 26 марта он также провел в селе экзекуцию, вынудив местных жителей согласиться на выкуп полевого надела, после чего арестовал и отправил в Алешковский острог четырех крестьян [23, л. 14]. Дабы не допустить повторения произошедшего, штаб-офицер, по примеру своего предшественника, распорядился разместить в двух селах войска сроком до 27 апреля [20, с. 95].

Данные методы «успокоения» Калимахи использовал и впредь для борьбы с крестьянскими протестами. Так, в середине апреля 1863 года в селениях Ново-Чембай (ныне Коренное), Новый Баяут (ныне Проточное) и Покровское (ныне Новопокровка), Симферопольского уезда, штаб-офицер, «не найдя надежды кроткими мерами убедить жителей подчиниться, прибег к строгости и многих наказал, а некоторых отправил в Симферопольский острог» [23, л. 18]. Подобная ситуация произошла и в июле, когда жандармский начальник отправился в село Троицкое (ныне Новотроицкое), Днепровского уезда, где крестьяне желали переселиться с невыгодных земель [23, л. 19]. Действуя по отлаженной схеме, он подверг нескольких лиц телесному наказанию, а подстрекателей своеволия арестовал, после чего остальные люди покорились и обещали не предпринимать ничего противоречащего распоряжению начальства [23, л. 22].

В то же время, желание жителей некоторых селений освободиться от несправедливых, на их взгляд, условий манифеста было сильнее страха перед властями. Так, несмотря на принятые еще А. Л. Вахом меры, в 1863 году вновь стали выражать свое недовольство крестьяне Обиточного. Четырехмесячные переговоры, которые вели представители местной администрации, как и в прошлый раз, ни к чему не привели, равно как и введение воинской команды. В конце концов, власти вынуждены были снова обратиться за помощью к жандармерии [21, с. 55]. Прибывшему в конце ноября штабс-ротмистру Безобразову, путем уговоров и под угрозой введения новых войск, удалось добиться согласия и спокойствия крестьян [20, с. 97].

Крестьянские выступления имели место и в других районах Таврической губернии, однако местные власти прибегали к помощи жандармов лишь в особо сложных и опасных случаях. Естественно, что после подобных жестких действий представителей политической полиции, недоверие и неприязнь к «голубым мундирам» среди населения значительно возросла. Однако следует отметить, что далеко не все крестьянские волнения усмирялись жандармскими чинами исключительно с помощью запугиваний и репрессий. Примером более гуманного подхода к разрешению протестов могут служить действия адъютанта управления Таврического жандармского штаб-офицера капитана В. Л. Охочинского [25, л. 6]. Так, будучи командирован в сентябре 1862 года для выведения крестьян с самовольно занятых ими земель в Мелитопольском уезде, Охочинский отказался от предложения начальства использовать роту солдат Виленского полка для силового решения проблемы. Прибыв на место, капитан, несмотря на крайнее упорство со стороны крестьян, провел разъяснительную работу и даже дал им время для обдумывания своего положения. Результатом этих переговоров стало то, что крестьяне в назначенный день добро-

вольно покинули занятые земли, перейдя на выделенный им участок [25, л. 7]. 7 января 1863 года В. Л. Охочинский вновь, уже в должности исполняющего обязанности штаб-офицера, выезжал в Рогачинские имения Великого князя Михаила Николаевича для успокоения местных жителей. Вместе с ним в деревню вошла воинская команда. Таврический губернатор разрешил Охочинскому использовать Виленский пехотный полк «для водворения прочного спокойствия и недопущения распространения дурного примера» [23, л. 2]. Однако порядок в имениях, как и в прошлом случае, был восстановлен силой убеждения капитана [23, л. 9]. Несколько позже, в августе 1865 года жандармскому офицеру удалось подобным же образом устранить последние очаги затухавших крестьянских волнений в отдельных селах Симферопольского уезда, что позволило избежать кровопролития [25, л. 9]. За свои успешные действия капитан Корпуса жандармов В. Л. Охочинский был представлен к награде и получил продвижение по службе [25, л. 10].

ВЫВОДЫ

Послевоенный период открыл новую страницу в истории органов политической полиции Таврической губернии. Преодолевая последствия Крымской кампании, чинам жандармерии пришлось столкнуться с массой новых обстоятельств, оказавших серьезное влияние на их деятельность. Являясь одним из олицетворений царского режима на местах, офицеры жандармерии стали фактически последней надеждой местных властей, неспособных собственными силами решить большое количество важных проблем и вопросов. «Голубые мундиры» сыграли важную роль в недопущении дестабилизации обстановки во вверенной им местности, тем самым обеспечив дальнейшее развитие правительственной политики реформ в регионе. В то же время, одновременная охрана безопасности первых лиц государства, борьба с крестьянскими выступлениями, выявление и пресечение деятельности различных преступных групп, а также наблюдение за возникновением антиправительственных идей ставили крымских жандармов в весьма затруднительное положение. Помочь выйти из него могла лишь решительная реформа органов государственной безопасности Российской империи, которая вскоре была осуществлена.

Список использованных источников и литературы

1. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтиквА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.

Borodin S. V. Sevastopol'skoe zhandarmskoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – S. 283–287 ; Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu. Istorija politicheskoj policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Koroljov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–

**ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ 50-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА**

- 89 ; Kucherenko A. R. *Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koï gubernii na rubezhi XX st.* / A. R. Kucherenko // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. – 2006. – № 96. – S. 117–120 ; *On zhe. Policija Tavricheskoj gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.)* / A. R. Kucherenko // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. – 2007. – № 122. – S. 25–29.
2. Висковатов А. В. *Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 19 ч.* / А. В. Висковатов. – СПб. : тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. – Ч. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 с.
Viskovatov A. V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk : v 19 ch.* / A. V. Viskovatov. – SPb. : tip. V. S. Balashev i Ko, 1899. – Ch. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 s.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 22335.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 1, d. 22335.
4. Ibid, д. 23269.
Ibid, d. 23269.
5. Ibid, д. 24262.
Ibid, d. 24262.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1172 (Управление V Округа Корпуса жандармов), оп. 1, д. 23.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 1172 (Upravlenie V Okruga Korpusa zhandarmov), op. 1, d. 23.
7. ГАРК, ф. 26, оп. 2, д. 112.
GARK, f. 26, op. 2, d. 112.
8. Сеницкий А. И. *Описание дел Таврического Исторического архива* / А. И. Сеницкий // ИТУАК. – 1892. – № 16. – С. 105–115.
Senickij A. I. *Opisanie del Tavricheskogo Istoricheskogo arhiva* / A. I. Senickij // ИТУАК. – 1892. – № 16. – С. 105–115.
9. ГАРК, ф. 26, оп. 2, д. 102.
GARK, f. 26, op. 2, d. 102.
10. Ibid, оп. 1, д. 24263.
Ibid, op. 1, d. 24263.
11. Попова Р. С. *Социально-экономическое положение и борьба помещичьих крестьян южных губерний Украины в дореформенный период (1801–1860 гг.)* / Р. С. Попова. – Днепропетровск : ДГУ, 1980. – 111 с.
Popova R. S. *Social'no-jekonomicheskoe polozhenie i bor'ba pomeshhich'ih krest'jan juzhnyh gubernij Ukrainy v doreformennyj period (1801–1860 gg.)* / R. S. Popova. – Dnepropetrovsk : DGU, 1980. – 111 s.
12. ГАРК, ф. 197 (Симферопольское городское полицейское управление Таврического губернского правления), оп. 1, д. 64.
GARK, f. 197 (Simferopol'skoe gorodskoe policejskoe upravlenie Tavricheskogo gubernskogo pravlenija), op. 1, d. 64.
13. ГАРФ, ф. 109 (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), оп. 197, д. 112.
GARF, f. 109 (III Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii), op. 197, d. 112.
14. ГАРК, ф. 26, оп. 4, д. 1841.
GARK, f. 26, op. 4, d. 1841.
15. Ibid, д. 1930.
Ibid, d. 1930.
16. Ibid, д. 1954.
Ibid, d. 1954.
17. ГАРФ, ф. 109, оп. 201, д. 232.
GARF, f. 109, op. 201, d. 232.
18. ГАРК, ф. 44 (Таврическое губернское по крестьянским делам присутствие), оп. 1, д. 12.
GARK, f. 44 (Tavricheskoe gubernskoe po krest'janskim delam prisutstvie), op. 1, d. 12.
19. ГАРФ, ф. 109, оп. 201, д. 116.
GARF, f. 109, op. 201, d. 116.

20. Максименко М. М. Крестьянское движение в Таврической губернии накануне и после отмены крепостного права / М. М. Максименко. – Симферополь : Крымиздат, 1957. – 102 с.

Maksimenko M. M. Krest'janskoe dvizhenie v Tavricheskoj gubernii nakanune i posle otmeny krepostnogo prava / M. M. Maksimenko. – Simferopol' : Krymizdat, 1957. – 102 s.

21. Маркевич А. И. Освобождение крестьян в Таврической губернии (по архивным материалам) / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1912. – № 47. – С. 1–66.

Markevich A. I. Osvobozhdenie krest'jan v Tavricheskoj gubernii (po arhivnym materialam) / A. I. Markevich // ITUAK. – 1912. – № 47. – S. 1–66.

22. ГАРФ, ф. 109, оп. 205, д. 96.

GARF, f. 109, op. 205, d. 96.

23. Ibid, оп. 203, д. 108.

Ibid, op. 203, d. 108.

24. ГАРК, ф. 44, оп. 1, д. 102.

GARK, f. 44, op. 1, d. 102.

25. Ibid, ф. 26, оп. 2, д. 112.

Ibid, f. 26, op. 2, d. 112.

Pasechnikov I. A. Bodies of the political police of Taurida governorate in the late 50's – early 60-ies of the XIX century // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 1. – P. 56–66.

The article examines the organization and activities of the gendarmerie of Taurida Governorate in the period from 1856 to 1865. Special attention was paid to the reasons, which changed its structure after the Crimean War. The staff of the political police had been represented. The most vivid episodes of participation of the political police in maintaining the public order had been selected. The struggle against the spread of sectarian ideas, the prosecution of counterfeiters, ensuring the safety of members of the imperial family and struggle against the peasant unrest had been analyzed. The activities on the eve of the reform of the political police of the Russian Empire in 1867 have been separately marked. An attempt to determine the role of the gendarmerie in the historical process in the Crimea and Northern Tauria was made. The Special Corps of Gendarmes was the uniformed security police of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. Its main responsibilities were law enforcement and state security. The responsibilities of the Gendarmes also included the execution of court orders, pursuit of fugitives, riot control, and detainment of «unusual» criminals. Gendarmes could also be assigned to assist local police and officials. Following the 1825 revolt, the new tsar, Nicholas I, created the office of the Chief of Gendarmes in July 1826 and appointed General Count Alexander Benkendorf to it; all of the Gendarmes were subordinate to the Chief. Benkendorf was also appointed Executive Director of the newly created Third Section of the Imperial Chancellery, although the office of the Head of the Third Section was not formally merged with Chief of Gendarmes until 1839. In 1827, the Gendarmerie was transformed into the Special Corps of Gendarmes, under the Chief of Gendarmes. The Commander of the Corps and Chief of Staff of the Corps were also Directors of the Third Section under the Executive Director. The Corps was divided into seven territorial Districts, six of them located in Russia and one in the Kingdom of Poland, each having a Directorate. The Main Directorate, along with additional Gubernial Directorates, was also created. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, the political police, The Corps of gendarmes, gendarme squads, the emancipation reform.